

18+

Alisa Arthur

РОМАН-ПУТЕШЕСТВИЕ

ФЕЯ

В ИГЛЕ

ШПРИЦА

Alisa Arthur

Фея в игле шприца.

Роман-путешествие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51141268

ISBN 9785449824059

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга – экстремальное путешествие, круг на американских горках, дикая смесь боли и наслаждения. Она – маленькая фея с хрупкими прозрачными крылышками, которая обессиленно выбирается из тесной иглы шприца, ранит шею и ладошки о её острый кончик и, в конце концов, взлетает.

Содержание

Предисловие	5
МАЛЬЧИК, ДЕВОЧКА И СОВСЕМ НЕМНОГО СЕКСА	14
ОРАНЖЕРЕЯ ОРГАЗМОВ	19
ЛЮБОВЬ ПОРОШКООБРАЗНАЯ, КОНЦЕНТРИРОВАННАЯ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Фея в игле шприца

Роман-путешествие

Alisa Arthur

© Alisa Arthur, 2020

ISBN 978-5-4498-2405-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Зима 2015 года. Я сижу в домике у моря и пишу книгу. Материализовавшаяся мечта. Забавно, я совсем забыла, как пару месяцев назад отправила во вселенную этот запрос. И вот, обнаруживаю себя прилипшей к батарее, с чашкой крепкого кофе в уютном двухкомнатном домике в Евпатории. Через дорогу – Чёрное море. Несколько дней прошло с тех пор, как я ввязалась с договор с подругой: каждая из нас к маю должна написать свою первую книгу...

Катя презентовала сборник атмосферных рассказов мне и другим друзьям в срок. Или почти в срок.

Мне понадобилось четыре года, чтобы признаться себе в двух вещах:

Первое. Вряд ли я когда-нибудь допишу этот странный роман. Хотя бы потому, что больше не пью адски крепкий чёрный кофе на голодный желудок. Я другая. А значит эта книга закончена, как бы мне не хотелось что-то добавить, убрать, отредактировать, выстроить сумбур эмоционально насыщенных отрывков в сюжет и придать ему смысл. О смысле – в конце предисловия. И хотя книгу я вряд ли допишу, мне бы чертовски хотелось нарисовать к ней картинки – добавить атмосферы. Может быть, это когда-нибудь случится. А пока тебе придётся рисовать картинки в своей голове. Надеюсь, мои яркие образы помогут тебе в этом.

Второе. Я не могу просто сделать вид, что этой книги не существует. Она – ухмыляющийся демон, который рвётся наружу и напоминает мне: ты можешь умереть в любой момент и так и не поделиться с миром своими странными, дикими, но по-настоящему вдохновенными страницами, надиктованными кем-то в твоей голове под крепким кофейным стимулом. Именно вдохновение и кайф, испытанные мной в процессе написания, не дают мне похоронить эту книгу на дне своей души. Я перенесла слова, звучащие в голове, на бумагу. А значит в этом есть смысл.

К тому же, честно говоря, мне надоело раз за разом перечитывать этот маленький роман и прятать от посторонних глаз. Я отпускаю его.

Немного о названии. Странное, правда? «Фея в игле шприца» – таким было рабочее название, я долго пробовала придумать другое, но, как и с редактурой самой книги, ничего не вышло. Так что оставляю его. Примерно в середине своего путешествия внутрь моего вдохновения ты поймёшь этот образ. Или не поймёшь. Какая разница?

И ещё. Я называю это романом, хотя законы жанра не соблюдены. Давай называть его... путешествием? Возможно, в этом и заключён смысл этих страниц.

Смысл. Может быть, ты ещё не знаешь, зачем тебе начинать это путешествие. Я тоже не знаю, зачем тебе это. Думаю, у каждого свой смысл. Могу только примерно поделиться своим видением. Эта книга, как и любое художественное

произведение, перенесёт тебя туда, где ты, возможно, не бывал. Я пропитала каждую главу горячим гормональным коктейлем, этот коктейль всегда разный. Мне виделось, что он отзовётся в твоей душе и теле и поможет почувствовать новые вибрации, вдохнуть воздух, которым дышат герои, ступить своими ногами на их землю, а не просто, лёжа в кровати или сидя за компьютером, пробежаться глазами по строчкам.

Потому что в этом я вижу истинный смысл путешествия. Хочешь начать это путешествие вместе со мной? Тогда пойдём.

Март 2019

ДВА РЕБЁНКА И КОЕ-ЧТО В КАРМАНЕ КУРТКИ

Бояться нечего, я знаю, что это его шаги. Кто ещё может прийти сюда в такое время? Ну наконец-то, я ждала почти целый день. Я тысячу раз поправила волосы, выпрямила спину и приняла подходящую позу, и когда Ник входит, на моём лице написано: «Я так долго ждала, что мне уже всё равно, хоть мы чертовски давно не виделись. Но я не злюсь. Надеюсь, ты скучал больше».

Раньше наши встречи были более эмоциональными, я вешалась ему на шею, целовала в щеку, а потом запрыгивала, как маленькая обезьянка, и мы долго стояли так, вызывая ревность и осуждение окружающих. В этот вечер я становлюсь на цыпочки и скромно обнимаю его. Никита тянется

к моим губам, я мурлычу недолгое «мммм», что-то вроде: «не стоит», и кладу голову на его грудь.

– Что? Ты не хочешь меня целовать? – Он не знает, что никогда особенно не нравился мне. Вся эта страсть, в которую мы недолго, но ярко играли вместе, выросла, наверное, только из тяги к приключениям и моего невыносимого одиночества. К тому же, я пока не призналась, что в соседнем городе меня ждёт парень, который, может быть, не так ценен как друг, зато гораздо симпатичнее. А целуется так же хреново.

И всё же я приехала не просто так. Я по-настоящему сучала, и он пообещал мне кое-что особенное. Достает из внутреннего кармана куртки.

Эту маленькую квартирку я сняла на одну ночь. В персикового цвета комнате большая кровать со множеством подушек и одеял, пустой шкаф, овальное зеркало, телевизор на стене и раскалённый обогреватель, от которого я пока не отхожу. На улице – зима, хоть и южная, но вполне ощутимая, особенно в тандеме с моими драными джинсами. Классическая белая майка заправлена в джинсы с высокой талией, больше на мне ничего нет, кроме трусиков. Лифчики я терпеть не могу, и сквозь лёгкую ткань хорошо заметно, что я замёрзла.

Впервые мы только вдвоём. То есть, конечно, нам иногда удавалось остаться наедине, но в любой момент кто-то мог это испортить. Сейчас в нашем распоряжении целая кварти-

ра, ночь и то, что он принёс во внутреннем кармане куртки. Я не знаю, хочет он меня или нет. Мы сосредоточены на малюсеньких, площадью меньше сантиметра, клочках бумаги.

Пока он ходил в магазин за выпивкой, мне стало немножко страшно. Во рту сумасшедшая горечь. А вдруг это не его шаги? Я почему-то думаю о толстых полицейских с тупыми жадными мордами, входящих в мою незапертую дверь. Чувствую себя преступницей: не перед совестью – перед паршивым законом. Но он никогда меня не волновал. Откуда взялись эти мысли?

Он входит, и я настаиваю, чтобы дверь была закрыта на ключ.

– Ты что, боишься? – его хитрая улыбка заставляет меня в очередной раз почувствовать себя ребёнком. Я раздражаюсь, потому что эти глаза видят меня насквозь, а я только с каждой секундой всё больше путаюсь. Иногда я уверена, что могу вертеть им, как пожелаю, а потом он оказывается так далеко, что мне остаётся только дуть губы и обесилено топать ножками. Глаза Ника – почти чёрные, лихорадочные, наглые – могут выражать слишком много всего: посредственность, глупость, детскую наивность, разочарование, вдохновение, желание. А иногда они будто говорят мне: «Детка, я знаю всё, что ты собираешься сказать». Но мне отлично известно: он не бесстрашен. Бояться чего-то рядом с ним – естественно. Кажется, он сам потерялся во всех выражениях своих глаз. Чёрт подери, он ещё больший ребёнок,

чем я.

На согревающих нежно-персиковых стенах много картин. Прямо над кроватью, среди зелёной травы и деревьев, крупными мазками течёт река. Голубая масляная краска движется по холсту, но не выходит из берегов золотистой рамки, а самая зелёная трава, какую мне приходилось видеть в жизни, колышется на ветру. Солнце освещает комнату наравне с электрической лампой.

– Посмотри на картины. – Он знает, что на них стоит обратить внимание в первую очередь. Ничего особенного. Я хочу сказать: это ведь всего лишь картины, так и должно быть, верно? Прошло минут двадцать, как я пришла сюда. Или я уже двадцать минут смотрю на картины?

Не знаю, холодно мне или нет, но я дрожу каждой клеточкой тела, волнами прошибают мурашки, соски ещё сильнее выделяются под майкой. Но, кажется, ничего особенного. Здесь и вправду довольно холодно. Обогреватель дарит какое-то осязаемое, холодное тепло, я могу потрогать это тепло, как любой предмет в комнате, но не получается распространить его по телу.

И всё-таки Ник очень особенный. Я вырвалась из благополучных, основательно поднадоевших стен и заботливых объятий классного парня, который, кстати, когда мы в последний раз разговаривали по телефону, очень просил меня успеть на последний автобус, и вот, я в его городе, смотрю на живые картины и пытаюсь найти себя в зеркале. Мы не ве-

дём светских бесед за бутылкой дешёвого пива, и этого мне достаточно, чтобы снова почувствовать себя свободной, живой, как эти кислотно-яркие плавающие пейзажи на стенах. Он особенный, потому что отказывается, как все остальные, видеть во мне ребёнка, напоминая, что никто не обязан обо мне заботиться. Он безответственный, такой же, как я, и мы впервые по-настоящему только вдвоём.

Я ничего не смыслю в наркотиках. Знаю только, что проглочу, занюхаю и скурю любую дрянь, если мне подсунет её человек, которому я хоть немного доверяю. Я из тех, кто гонится за ощущениями, как за главной и единственно возможной жизненной добычей, и не хочет верить в страшные сказки, которыми нас кормит система. Но не буду брать на себя слишком много: возможно, я дерьмовый нонконформист, много говорю и ни черта не делаю, просто живу себе, упарываюсь тем, что удаётся достать, да так, чтобы система не пронюхала о моих невинных увлечениях. Быть хорошей девочкой – не такая уж проблема, если у тебя есть ямочка на щеке, тонкий детский голосок и возможность периодически заниматься сексом. В моей погоне за ощущениями он занимал главное место до знакомства с наркотиками. А потом... с некоторыми из моих парней было бы интереснее даже просто напиться.

Все убивают себя, как им нравится. Вот я стою под душем, и за пять минут поговорила с десятком людей в моей голове, а я всего-то навсего хлопнула офигенно крепкого чая. Ре-

цепт чифиря доступен даже ребёнку дошкольного возраста, а действует эта гадость почти как фен.

Ник быстро увлекается. Я говорю ему: «Зачем ты рассказываешь мне, как круто нюхать? Принеси мне это дерьмо и тогда я буду знать». Он всё так же лихорадочно блестит глазами, но, если честно, они красные, и выглядит он не очень. Амфетамин у нас обоих случился раньше марки. Иначе он не говорил бы мне о жалком порошке со взглядом, не выражавшим в тот раз ничего, что могло бы мне понравиться:

– Ты должна это попробовать! У тебя столько энергии, кажется, что ты можешь всё. Сука, я не спал двое суток, бухал и нюхал, а потом Саня говорит ехать к тебе, но это так охеренно, а ещё постоянно хочется трахаться. Не можешь думать ни о чём другом. Я бы хотел понюхать с тобой.

Мы нюхали, в один из тех раз, что были не вдвоём, трахаться никому не хотелось, и слава Богу.

Я всегда говорю: «Хватит, я не хочу слушать о наркоте. Я знаю, что она тебе нравится. Ты знаешь, что она понравится мне тоже, так что не говори, а дай мне её».

В эту ночь мы в квартире вдвоём, наедине с тем, что с первого раза заставило Ника разлюбить порошок.

Я обожаю новые эффекты. Амфетамин оказался слишком похожим на убойную дозу кофе, травка перестала удивлять. Алкоголь имеет смысл только если хочешь пообщаться с людьми, которые тебе неинтересны до зелёной плесени или пососаться со своим другом. Я бухаю с четырнадцати,

и мне осточертело тратить здоровье на мизерные открытия в этой области.

Кислота не похожа ни на что. Меня трусит или я сама придумала это? Часы, наверное, остановились, хотя нет, мы просто забыли, который был час. Мы забыли, какое число и что есть числа, забыли, что сейчас вечер. Наверное, уже очень поздно.

– Прошло только полчаса.

– Полчаса?!

– Теперь надо привыкнуть. Так будет ещё часов восемь.

Восемь часов... Наверное, это очень много, хотя если сейчас вечер, то почему светит солнце?

– Это картина, детка. – У него такие карие глаза, чёрные кудри и тугая холодная кожа куртки, вожу по ней длинными ногтями, отталкиваю, запускаю пальцы себе в волосы, пробегаю по шее, груди, делаю резкий поворот и снова притягиваюсь.

Кажется, я чертовски хочу его.

МАЛЬЧИК, ДЕВОЧКА И СОВСЕМ НЕМНОГО СЕКСА

В восемнадцать девочка встретила того, кто стал открытием, но остался загадкой.

Бюстгальтеры с таким умопомрачительным поролоновым слоем (на нём, пожалуй, могла выспаться пара человек) я носила только тогда, в возрасте пика женской глупости и напускной порочности. Когда ты хлещешь водку из горла, делаешь вид, что затягиваешься сигаретой, и думаешь, что каждый в радиусе ста метров хочет тебя трахнуть.

Нас познакомил общий друг и мой ярко-красный лифчик. В первый и последний раз мне удалось обмануть Каса: пуш-ап приклеил его взгляд к декольте короткого обтягивающего платья. Он просто смотрел, впитывал свет темнотой глаз, специально, уверенно, нахально, будто проводил эксперимент или, наоборот, ему было плевать на реакцию. Этот взгляд я запомнила навсегда. А он писал, что запомнил навсегда моё: «Привет». Дима Касьянов – все называли его просто Кас, а я бы позволила пялиться на любую часть моего тела ещё дольше и нахальнее, потому что он был настоящим красавчиком. Мы тогда так и не сказали друг другу ничего, кроме: «Привет». Можно было не говорить и этого, за несколько секунд первой встречи мы молча договорились о многих последующих.

Мы издевались друг над другом. Он смотрел в потолок и толкал философские речи, я бесилась и запрещала ему приходить, он приходил – и я злилась ещё больше.

– У нас никогда не будет секса, Кас – шептала, а он впи-
вался в меня пухлыми губами, языком, brutальной щетиной
и – в сотый раз – сумасшедшим взглядом. Я говорила это,
стонала, бесилась, не верила ни единому слову и изменяла
с ним другим парням. Он не настаивал ни на чём, только
постоянно вдыхал мой запах и был рядом, когда я просила.
Писал стихи, нёс философскую чепуху, увлекался марихуа-
ной и чем-то посерьёзнее, но это ни капли меня не интере-
совало. А потом на моих глазах красавчик Кас превратил-
ся в истощённого наркомана с воспалёнными глазами, хо-
лодными пальцами и постоянной головной болью. Я говорю:
«наркоман», хоть сомневаюсь, что в ход шли опиаты. Я зна-
ла: он на чём-то сидит, ведь это знали все. Вещества? Никто
не разбирался в подробностях, мы ещё верили в Деда Моро-
за и в то, что можно сдохнуть от передоза шмали.

– Ты подстригся? – Мы встретились вечером в его День
рождения после недель, проведённых вместе, и месяцев мол-
чания, после миллиарда слов, сказанных, написанных, вы-
брошенных и выплюнутых, тысяч поцелуев, всегда тайных,
и странных попыток понять друг друга. Кас выглядел отлич-
но, как будто снова помолодел, и светился, – я не могла по-
нять, в чём дело. Может быть, просто подстригся?

– Нет.

– Побрился?..

– Нет.

– ...ты сегодня ничем не упарывался?..

– Нет. – Я нашла ответ, и неважно, было ли это правдой.

Он улыбнулся и на свой День рождения подарил мне розу.

По дороге домой нас развлекал Сартр, с ним мы гуляли по городу, останавливались погадать на книге «Бытие и ничто», купить чизбургеров или впервые за всю ночь поцеловаться на пустынной проезжей части. Продавец шаурмы делал вид, что не замечает нас, бурно ласкающих друг друга под одеждой у стеклянной стены его будки. Две малолетние дуры возвращались домой в третьем часу ночи и со смешными понтами рассказывали нам, что книги – говно. Сартр, кажется, был с ними не согласен, а мы, я и Кас, изображали брата и сестру и демонстрировали склонность к инцесту.

Около пяти утра он заставил сонную женщину открыть нам первый попавшийся подъезд, скуля в домофон:

– Пожалуйста, за нами гонятся гопники!

Возле решётки, закрывающей вход на крышу, мы постелили куртки и грелись друг о друга, а я снова не решилась заняться с ним сексом, зато – не знаю, что на меня нашло – в первый раз сделала ему минет и, растерявшись, сплюнула через перила вниз на ступеньки. У нас было официальное право на удовольствие: пару дней назад я рассталась со своим парнем, правда, все знали, что через неделю мы снова будем вместе.

Начиналось обезумевшее от этой ночи апрельское утро.

Я была рада дождю. В восемь мы, мокрые, дошли до общаги, спать совсем не хотелось. Сидя на кухне с гитарой, познакомились с пятикурсником Кириллом, хорошим парнем, девственником и задротом, что было написано на его вполне симпатичном лице, и тут же затеяли новую извращённую игру.

– Кирюх, это моя сестра. У нас разные отцы, а что, разве мы так уж непохожи?

Выманив жертву на балкон, я прижималась к нему мокрой рубашкой с расстёгнутыми верхними пуговицами и толстым слоем поролона пресловутого красного лифчика. Парень смущался и нервно сжимал кулаки.

Я сидела на столе, перебирала струны, улыбалась и наблюдала. Иногда мы с братишкой гладили друг друга по интимным местам, целовались всасос и похотливо улыбались.

– Посмотри на неё. Вот. Загляни в вырез рубашки, не бойся, чувак! Ты хотел бы трахать её каждый день?

Кирилл неуверенно косился на меня, мол, она же здесь, сидит и слышит это, но отвечал: «Да». Касу удалось, как и всегда, войти в доверие, и вот он уже красиво, харизматично переворачивал мир парня с ног на голову и давал советы по соблазнению, а тот, отбросив, может быть, впервые в жизни, комплексы и правила приличия, делился самым сокровенным. Вечером того же дня двадцатидвухлетний девственник пришёл ко мне пригласить на прогулку. Я спала и так-

тично отказалась, а позже мы узнали, что у нашего скромного подопечного был День рождения.

За неделю до этого Кас подарил мне кайф первого конопляного прихода, когда я летала по квартире и кричала: «Я хочу чувствовать свободу!». Я надолго влюбилась в эти ощущения, но трава – капля в бурном море всего, что он для меня открыл. Мы несколько раз курили вместе, и ни разу это не было даже самым маленьким шагом к сближению.

Я так и не узнала Каса. Не поняла смысла ненавистных мне экзистенциальных монологов, не поверила в слова любви, прогудевшие в последнем разговоре, как валун, брошенный на дно пустого колодца, не спросила, на чём же он сидел – или сидит? – даже когда стала интересоваться определёнными веществами. Зато, клянусь, больше ни с кем и никогда я не чувствовала себя такой особенной. Нет, ни слова о счастье, удовольствии, уюте, покое, это иные категории, я приберегла их для других. С ним было ощущение уникальности каждого момента и себя – в нём. Каждая наша встреча была историей, каждое слово весило тонну. Даже если ни одно не было правдой. Да и что, собственно, такое эта правда?

ОРАНЖЕРЕЯ ОРГАЗМОВ

– Кас?..

Перематываю, меня зовут Лера, вот же я, в зеркале, волнистые рыжеватые волосы, голубые (чёрные?) глаза, с улыбкой что-то не так... белая майка без лифчика и соски, соски точно мои, трогаю... порядок. Только лицо такое салатовое, в прозрачных ярких чешуйках, как у русалки. А, нет, это мир такой. Вся комната вокруг. Как вода.

Напротив меня Никита, да, у нас есть имена, и его, этого парня с тёмными глазами, так зовут. Я не могла его с кем-то спутать. Мы только вдвоём, и, кажется, чем-то упоролись.

Картины уже мало меня интересуют, пусть хоть растекаются по стенам холодным прибоем, даже если потолок затянут ватные облака и осядут сыростью на моих плечах. Пусть движутся, ничто не способно стоять на месте, как я могла не видеть чудовищной, великолепной динамики каждой молекулы всего, всего, что меня окружает?

Ник, что ты говоришь, какого хрена? Привыкнуть? Я не должна к этому привыкать, нет, не привыкнуть, не на восемь часов – прошёл всего час?.. а когда было начало? – привыкнуть, да это же просто смешно, я должна всегда видеть мир таким, ВСЕГДА, потому что он такой и есть. Это же понятно, как дважды два. Всё в движении, всё, и сам ПОКОЙ – в этом движении. Движение, тёплое, как лучи солнца, плавл-

ное, как река, красивое. Правильное. В него просто падаешь, погружаешься, нет – ты становишься его частью, ты сам – движение.

Лежу на кровати и калейдоскоп цветов, музыки и радуг падает на меня – в меня – с потолка, из самого сердца люстры. Я полощу в нём руки, поток тёплый и восхитительно чистый, нет ничего, что могло бы ему помешать: ни одной пылинки, ни одной неправильной ноты. Он наполняет всю комнату. Даже пальчики на босых ногах, когда шевелю ими среди согревающих солнечных зайчиков, дарят мне волны экстаза. Я сливаюсь с потоком и смеюсь, стону, выгибаюсь в бесконечном, божественном, кристально-чистом оргазме!

О Боже!..

Это невероятно, я больше не могу, как же... ПОЧЕМУ Я РАНЬШЕ ЭТОГО НЕ ВИДЕЛА?

Пока одна, могу просто наблюдать. На полу лежит, перевернутый на бок, с выбившимся белым лепестком шнурка, один мой серо-розовый «Найк». Ярко-розовая галочка, фирменный знак, порхает над полом. Это бабочка или... цветок, да, я чувствую запах розы.

Пальчики ног играют, дирижируют музыкантам, плетут веночки из бутонов малиновых ноготков. Дыхание свежести, воздух – голубого цвета, я – волшебна красива. Красива, как воздух, как картины, красива так же, как мой яркий кроссовок, как стены, обогреватель и тлеющая сигарета. Я – один из цветков этого сада, потому что красиво и оргазмично аб-

СОЛЮТНО ВСЁ.

ЛЮБОВЬ ПОРОШКООБРАЗНАЯ, КОНЦЕНТРИРОВАННАЯ

Когда человек влюблён, его организм вырабатывает тот же гормон, что при употреблении амфетамина. Одно и то же: мимолётный кайф, мерзкий отходняк. Если честно, наркотики, вообще, вполне заменяют эти сладкие сопли на морозе, только вот в обратную сторону уравнение тоже работает. Я имею в виду, что можно придумать себе влюблённость – и при условии, что это взаимно, по крайней мере, пара недель эйфории обеспечена. Эйфории, которая похлеще самого обалденного прихода: в основном, потому, что ты наивно именуешь её «настоящей». Ох уж эта культура, насквозь пропитанная липким медовым сиропом любовной лихорадки.

– Доброе утро. – А ведь и правда доброе. Я улыбнулась. Открыв глаза, я поняла, что меня продолжает штырить. Вселенная определённо была какой-то не такой, хотя можно сказать, что за вчерашний день я к ней уже привыкла: сироп от кашля, которым мы, за неимением чего-то серьёзнее, закинулись с подружками позавчера, дарил мне новый странный наркотический опыт. Устроившись на тюлене (огромная синяя штука с чем-то вроде пенопласта внутри), меня обнимал Влад, я туманно припоминала, что вчера было чертовски приятно, как он целовал меня в шею, а мне хотелось очень

громко стонать, и что мы смотрели фильм. Снова я заставила людей смотреть со мной обожаемую «Трассу 60». Воистину, гениальная вещь.

Я вспомнила, что вечером не смыла косметику и не почистила зубы, просто вырубилась, а ещё было жутко обидно, что я не помню, как у нас с Владом всё это случилось. Под «этим» я подразумеваю поцелуйчики и прочие приятности, которые, в крайнем случае, можно допустить на первом свидании.

– Лучше повернись и обними меня. – Это было мило, я уже и забыла, когда в последний раз какой-нибудь парень, кроме моих друзей, хотел, чтобы я его обняла. Утром. Когда мы просыпаемся вместе. Я немного смущалась и переживала, ведь не каждый день просыпаешься с парнем, который вчера целовал тебя в шею, а сейчас хочет, чтобы ты его обняла, хоть вы знакомы в сумме всего одну ночь.

– Чтобы ты видел мою размазанную тушь?! – Я, конечно, повернулась, но прятала лицо в его плечо; как позже оказалось, зря, тушь была в порядке.

Мы немного целовались, потом встали и отправились на кухню пить кофе вместе с двумя моими подружками. Я объявила, что меня всё ещё штырит, надо мной посмеивались и говорили, что я всегда такая.

В нашем холодильнике завалились баклажаны, а Влад как раз умел их отлично готовить.

– Это наш семейный рецепт, бабушка рассказала его ма-

ме, а мама – мне.

Меня удивляло и, наверное, радовало, что этот милый парень, с которым мы так замечательно провели ночь, не спешит уходить. Мы готовили, смеялись, спорили по поводу того, нужно ли варить сосиски (тогда я узнала, что сосиски, даже сырые, на самом деле, сварены ещё в процессе производства), ели, хотя мне почти не хотелось, обнимались, он гладил меня по волосам, снова целовал в шею, а это моя сумасшедшая слабость, и (удивительная привычка, которую я, кажется, раньше не встречала) иногда слегка касался языком кончика моего носика. Опять же, это было так мило, что я терялась и, уж не знаю, что руководило при этом моей неутомимой натурой, решила выплеснуть на ни в чём не повинного двадцатилетнего мальчика полный набор своих упоротых тараканов в голову. Я болтала без умолку, танцевала, пела, бегала со своим джедайским мечом – розовой палочкой с мыльными пузырями, которая светилась и издавала волшебный звук, если нажать на кнопку, – и рассказывала за едой о том, что у меня на работе грибной крем-суп пахнет спермой.

– А ты знаешь, как она пахнет?! – Боже, я не могла поверить в эту очаровательную наивность. Тогда мне ещё стало интересно, что он будет делать, если я как-нибудь надумаю сделать ему приятно таким способом.

Потом мы снова зажимались на тюлене, и я поняла, что этот малый по-настоящему круто целуется. Я останавлива-

лась, когда мы слишком увлекались, а он снова и снова начал ласкать меня через одежду. Мы были как подростки, которые занимаются петтингом, потому что по-другому нельзя, и хотят от этого кончить.

– Ты меня так притягиваешь... – Он мягко раздвигал мои ножки и поглаживал между ними через штаны, которые, казалось, были уже насквозь мокрыми – У меня никогда не было, чтобы я так сильно хотел человека, которого почти не знаю.

– Это что, какие-то пикаперские штучки, да? Говори девушке, как ты её хочешь... – Я ни в чём не была уверена, мне просто было хорошо.

Когда мы шли, я на работу, а Влад – домой, он заметил, что у меня голубые глаза, что мне не нужно краситься и сказал взять его под руку, чтобы мы выглядели «солидно». Как же мне потом не хватало этих приятных мелочей! А, впрочем, ночью в разговоре с подружками я призналась, что Влад для меня скорее мальчик, чем мужчина, и он так на меня смотрит, что я чувствую свою власть, а это однозначно проигрышный вариант. Я ошибалась.

В следующий раз мы встретились у него в общаге, хоть я уже нафантазировала себе, как буду танцевать на столе закрытой изнутри аудитории университета в чулках и с бутылкой шампанского в руке. Я абсолютно неудержима, когда чувствую необходимость «вести вечеринку». Но к чёрту этот универ и мои чокнутые фантазии, всё было великолепно.

Я сидела на блоке на подоконнике, мне ничего больше не оставалось, как только ловить кайф. Я не вела вечеринку, и это было просто потрясающе. Влад шикарно пел, его друг шикарно играл на гитаре мои любимые песни; а ещё тот, кого я сначала посчитала мальчиком, так трогательно прикасался ко мне, с таким ощутимым вниманием и заботой, что на этот раз я сама почувствовала себя маленькой девочкой, и именно тогда мне показалось, что я, наконец, чёрт возьми, слава небесам, влюбилась. Безумно хотелось остаться с ним, но я поехала к друзьям, там как раз собрались почти все. До метро мы шли за руку, и я удивляюсь, как не расплакалась по пути от умиления, а прощальные поцелуи парализовали меня где-то между небом и землёй до самого дома друзей. Я была в экстазе. Тогда я поняла, что дело не в сексе. Я дико, неудержимо, до слёз, до помешательства и шизофрении, до полной потери себя хотела любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.